

Екатерина Полухина
Утоли мои печали

История о силе духа женщины

Екатерина Полухина

**Утоли мои печали. История
о силе духа женщины**

«Издательские решения»

Полухина Е. И.

Утоли мои печали. История о силе духа женщины /
Е. И. Полухина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938936-7

Екатерина Пухова — женщина молодая. Имея своих деток, решается взять себе ещё приёмного ребёнка. Через какие препятствия она прошла к этому, вы узнаете, если прочитаете мою книгу. Сломаться человеку недолго, если ему стараются в этом помочь ещё. Но у нас, у каждого свой огонь внутри, который помогает нам выстоять и не сдаться. Или же сгореть, даже не обогрев окружающих. Катя сумела одолеть все препоны и даже стать счастливой в этой жизни.

ISBN 978-5-44-938936-7

© Полухина Е. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	13
Глава 7	15
Глава 8	17
Глава 9	19
Глава 10	21
Глава 11	23
Глава 12	25
Глава 13	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Утоли мои печали История о силе духа женщины

Екатерина Ивановна Полухина

© Екатерина Ивановна Полухина, 2018

ISBN 978-5-4493-8936-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Есть люди, что несут в ладонях свет!

**В словах тепло, а в сердце чистом – нежность. Таких людей немного, знаю, нет.
Они, как лучик солнца, как надежда.**

**Такие люди легкие всегда, У них с душою в такт сердцебиенье. Когда закружат
в мире холода, Они согреют. И зажгут поленья.**

**И мир не покатился в омут лжи, В оковах мести он не утопает, Лишь потому,
что кто-то из души, Себя частичку робко вынимает. У них внутри горит большой
огонь! Один огонь – но хватит очень многим! С людьми такими быстро тает боль.
И теплота проходит, сквозь ладони...**

Глава 1

Она больше всего боялась, чтобы, не заболели дети. Сама она, кажется, выдержит всё, а дети её самое слабое звено. Они, её Ахиллесова пята. Но, возможно мысли материализуются и дети: и Мариночка, и Ксюша сразу же, вместе слегли с ОРЗ. Накануне, пока мать была на работе, отец взял их с собой на стадион, смотреть матч по футболу. Моросил мелкий, весенний дождичек. Что, для взрослого казалось ерундой, для детей пяти и двух лет, оказалось настоящим бедствием. Шапочки промокли насквозь, а отец, болея за свою команду настолько рьяно, даже не подумал, что для детей такая погода чревата последствиями. Ведь, это же март, а не июль месяц. Ночью поднялась температура под сорок у обеих, вызвали скорую, и Катя – мать их, попала с девочками в детское отделение.

Пролежав там две недели и получив необходимое лечение, Маришка, старшенькая, вполне была здорова, с Ксюшей дело обстояло совсем иначе. Всегда такая весёлая, краснощёкая и активная, девочка вела себя теперь далеко не так, как раньше. Она не веселилась, не бегала по палате вместе с сестрой, а сидела у матери на коленях и тихонько грустила. Ничего, даже вкусненькое, её не прельщало, а она была любительница покушать. Кожа у неё стала, какой – то серой и безжизненно тусклой. Катя не раз обращалась к Вере Петровне, детскому врачу, но та говорила в сердцах: Вы мамыши теперь очень грамотные стали, много знаете, да не правильно детей своих воспитываете. Не умничайте очень, и всё будет хорошо. Сама же, никаких специальных лекарств не приписывала, кололи банальный пенициллин и больше никакой помощи, не оказывалось.

Катя наседала на неё. Вы хотя бы сказали то, что с моей девочкой? Может, какое – то лекарство особенное нужно, у меня брат двоюродный в Москве, мне достанут. Это было время восьмидесятых, когда на всё, был дефицит. Но Вера Петровна только зло хмыкала. Да, достанут тебе, как же, держи карман шире. А не хочешь, если девочка твоя, в раз сыграет в ящик? Вот и все твои связи. Толстая, наглая, она приносила со своим обходом, только негатив и Катюшу это настолько нервировало, если не сказать, злило. Она ревела ночи напролёт от безысходности, но, как только наступало утро, она вновь подступала к врачу. Просила, ругалась с ней, наконец, требовала, чтобы та, приняла какие – то эффективные меры, для помощи её ребёнку.

Но, та была не пробиваема, отвечая Кате, что лечение ведётся по всем правилам, а ей просто нужно заниматься со своими девочками и не лезть туда, в чём она, ничего не понимает. А, чаще всего, она просто игнорировала настойчивую мамашу, проходя мимо и даже не останавливаясь с ней, для разговора. Когда же Катя заходила к ней в кабинет, для разговора, та ссылаясь на невероятную занятость, отсылала её в палату. Подружки, приезжая проводить их, говорили Кате: Да привези ты ей гостинец, ты что, не видишь, чего она добивается? Она же, чуть не напрямую говорит тебе об этом, через своё поведение, а ты сопротивляешься. Ну, что ты хочешь, обух плетью перешибить? Но Катя упёрлась на своём. Надоело всем гостинцы носить, здоровье у нас вроде как бесплатно дают, или же не так? – возмущалась она.

Глава 2

Старшенькую её дочку выписали и Катина мама забрала внучку к себе. Муж работал, поэтому домой Маришку взять не мог, Катя же сдаваться не собиралась. Она пошла к главному врачу и стала просить, чтобы ей дали направление в областную детскую больницу. Тот, недолго думая, дал команду Вере Петровне, которая находилась тут же и вся исходила ядом.

Направление Кате дали и уже на утро, следующего дня, они с Ксюшей ехали в областной центр. Там их очень хорошо встретили. Пожилая женщина, детский врач, осмотрев её девочку, ещё не заглядывая в карточку, поинтересовалась: А вы случаем не из нашего района, оттуда всегда привозят таких запущенных детей? Видно врач там не очень компетентный, надо бы съездить как – то с проверкой, посоветовалась она со своей медсестрой. Да, мы как раз оттуда, – сказала Катя и горько разрыдалась. Вера Петровна сказала, что моя девочка, умрёт. Ну, это глупости, самые настоящие, – сказала доктор, у вас просто, анемия, не хватает в организме железа. Сейчас я положу вас в отделение: поколем витаминчики, феррумлек (железо). В рацион питания введите: яблоки, гранаты, шоколад; очень хорошо, телячью печёнку бы. Слегка не доваривая, прокрутите на мясорубке и добавляйте во все блюда без исключения, кроме, конечно же, сладких и молочных.

Ну, это, конечно же, дома будете навёрстывать упущенное, а здесь мы поможем вам, через препараты. Да мы с вами, в раз поможем вашей крохе и, не плачьте вы, пожалуйста, это не намного сложнее ОРЗ. Всё будет хорошо, вот увидите, я даю вам полную гарантию.

Катя, повеселев от таких слов врача, пошла с малышкой в отделение. Ей выделили место в палате, но сразу же, предупредили, что девочка её не грудного возраста, поэтому мамаше придётся потрудиться на благо отделения. А то: мыть полы, помогать получать бельё, отвозить грязное бельё в прачечную. Да, много чего надо было делать, но она была согласна на всё, лишь бы только помогли её крошке. Дежурить приходилось два дня в неделю, а уж, какую работу выполнять, это зависело от старшей медсестры, как приглянешься ей, туда и пойдёшь.

Катя выполняла любую работу, а за это, ночью разрешали ещё и остаться в палате с ребёнком, постелив на стульях. А что? Два стула возле детской кровати и у тебя отличная софа, а если тебя это не устраивало, можно было пойти в специальную палату для мамочек, в конце коридора, метров за пятьсот от палаты малышкой. Если же тебе это не подходило, то вариант со стульями, был самое, что надо. Катюше было лучше находиться рядом со своей девочкой. Она уже пошла на поправку, но ещё оставались некоторые нюансы, которые нельзя было упускать из вида. Вдруг ни с того, ни с чего могла подняться температура, особенно к ночи и Ксюша горела в жару, а потом этот жар, спадал сам собой, и опять было всё нормально.

Нельзя передать чувства матери, когда страдает её ребёнок, а она бессильна помочь, чем либо. Катя металась от одной сестрички к другой, потом к дежурному врачу. Она, рыдая, просила помочь её девочке. И они, конечно же, помогали, как могли. Делали нужные уколы, ставили капельницы, успокаивали саму мамочку, которая просто заходила от слёз, глядя, как горит в жару её кроха.

Но, вот проходило какое – то время, температура спадала. Катюша молила господу, чтобы этих моментов больше не наступало. Ксюша же веселела, опять принималась играть куклами, или же, слушала сказки, что читала ей мама. А – то, рисовала карандашами картины, смысл

которых, понимала только она. Врач, приходя на обходы, ничего странного не находила и считала, что с девочкой, всё в порядке. Но для врача, дочка Катюши была одной из пациенток, ей же, она была кровиночкой, вот поэтому – то, она каждую ночь лежала или сидела, у её кровати без сна, и переживала за исход лечения.

Глава 3

Она одного не понимала, от чего может быть эта анемия. В продуктах у них недостаток. Она изо всех сил старается, чтобы на столе была разнообразная пища. Овощи у них всегда свежие, со своего огорода. Она только для этого корячится после основной работы, добираясь до него всеми немыслимыми способами. И пешком, и на перекладных. Это вот совсем недавно стало полегче, когда у них появилась машина. Хотя и не часто ей получается на ней ездить, ну да, всё равно.

Фрукты тоже не переводятся. Дети её этим не обделены. Много чего растёт в своём дворе, как плодовые деревья, так и кустарники, ещё больше родители дают. Варенье и компоты у них не переводятся круглый год, да и свежие фрукты она старается сохранить, как можно дольше. Специальную литературу читает для этого, что то подсказывают родители, подруги.

Мясо свежайшее, без всякой консервации и заморозки. Она ради этого держит кроликов и птицу и после основной работы трудится ещё и на своём хозяйственном дворе, взвалив все обязанности вплоть до вывоза навоза. Хотя это и не женское дело, но, как говорят: Взятся за гуж, не говори, что не дюж. Муж предупредил её сразу, что он не любитель такой работы.

Господи помоги! Боженька миленький, ну сделай так, чтобы моя кроха выздоровела, – молилась она бессонными ночами. У неё разрывалось сердце от этого горя, свалившегося на её дитя. Да, ведь и дома, вторая дочка. Как она там? Хотя и живёт она у родителей Кати, а всё равно волнуется мать за неё. Скучает. У каждого ребёнка должна быть рядом мать, только тогда он полностью счастлив. Ситуация, не давала ей, быть рядом с Мариной, старшей дочкой и поэтому её сердце тоже рвалось на части, ещё и от этого.

Почти все ночи напролёт, она не могла уснуть, переживая все свои напасти и проблемы. И вот, чаще всего сидя, на своей « суперсофе», около кровати своей дочки, она почти, да даже не почти, а каждую ночь, слышала плач ребёнка в соседней палате. Плач этот был громким и долгим, иногда всю ночь напролёт. Если же плач прерывался, то только посредством, какой ни будь из дежуривших медсестёр, Катя это определяла по голосам, она уже различала их.

Сначала, ей было не совсем удобно, спрашивать об этом. Другие мамочки, как и она, находящиеся при своих больных детках, тоже ни чего толком не знали, что это за ребёнок, что плачет и плачет по целым ночам. Потом, как это бывает в больницах, то шоколадочкой угостишь сестричку, то на чай с пирожными пригласишь и вот таким образом, Катя и выведала тайну отделения. Ребёнок этот, Вовка, ему три годика. Отказной он, но живёт почему – то в детском отделении. После того, как его мамаша отказалась от него, он мог бы попасть в дом малютки. Но у него долго не заживала пуповина. Потом обнаружилось, что у мальчика малокровие. Вот после этих проблем, он уже три года находится в этом отделении.

Глава 4

Зав отделения, Елена Дмитриевна, женщина добрая, внимательная и коммуникабельная, правдами и неправдами, как то сумела его продержат в отделении столько лет. Дежурившие сестрички были его мамами и няньками. Они кормили его, одевали, гуляли с ним по улице, если позволяла погода, и выпадало свободное время во время дежурства. А самое главное, конечно же, если было желание. Елена Дмитриевна всё надеялась, что мамаша его образумится и вернётся за ним, но шли годы, а воз, (Вовка) всё находился в их отделении.

Елена Дмитриевна глядела ещё дальше. Она надеялась, что вдруг, какая – ни будь мамочка одного из деток, что лечились в её отделении, захочет усыновить ребёнка. А что тут такого, всякое бывает, в общем, всё работало на малыша. Елене Дмитриевне очень жалко было Вовку, и она не хотела переводить его в дом малютки. Ну, кому они там нужны, эти отказнички? Если уж, их мамы отказались от них, так что же обижаться, на совершенно посторонних для них людей. У всех свои дети, свои проблемы, а эти забытые и богом, и людьми крохи, только повседневная работа, для нянек, воспитательниц, поваров. И нужно иметь очень доброе и отзывчивое сердце, чтобы уделять этим беднягам, хоть чуточку больше времени и внимания, чем положено по уставу.

Тут же, Вовка находился всегда под её неусыпным наблюдением. Да, и если её не было на работе, по какой – то причине, все медсёстры знали, что малейшее разгильдяйство с их стороны, в отношении этого мальчика, будет каким – то образом, узнано строгой, но справедливой заведующей. Как, то: Не вовремя покормили, не погуляли, не искупали. Тогда уже, пиши, пропало. Таких казусов было минимально, но всё же, иногда случались. Вот, к примеру, ночной плач. Получалось, что к нему уже все привыкли и не обращали внимания. Если только уж очень сердобольная сестричка дежурила, которая, не смотря на усталость, могла провести всю ночь с плачущим малышом.

Но, не смотря, ни на что, медсёстры очень уважали свою, мамочку, так они называли Елену Дмитриевну за глаза. Она была очень строга, но и справедливая, как никто. Не дай бог, если бухгалтерия что – то напортачила, и её девочкам, вдруг не начислили, положенного. Ну, например премиальных. Или за выслугу лет. Она тигрицей кидалась, на растяп, и горе было тому, кто посмел, это сделать. И, вообще, к ней можно было обратиться, по любому вопросу и мало кто уходил от неё, без положительного результата. Будь это вопрос по работе, или же чисто личного характера. Лишь бы это было в её компетенции. Да иногда, она могла и через головы вышестоящего начальства перешагнуть, если конечно же, это того стоило.

Очень часто, сама Елена Дмитриевна, иногда даже в ущерб своей работе, гуляла с Вовкой, по больничному двору, или же занималась с ним в своём кабинете. Почему, она опекала этого малыша, знала только она. Но она не считала нужным, открывать этот секрет, до поры, до времени.

Глава 5

А вот в скорости, Катюша и воочию, увидела, этого таинственного Вовку. Когда она проходила по коридору, дверь в соседнюю палату была открыта. Прямо у самой двери, в детской кроватке стоял маленький крепыш. Волосики тёмные и кучерявые, крутыми кольцами спускались на детскую шейку. Огромные карие глаза, в обрамлении густых тёмных ресниц, носик пуговка, красивые бровки. Ямочки на щеках, малюсенькие ножки и ручки тоже в ямочках. Смуглая кожа, очень гармонирующая с цветом волос и глаз. Он был, сбитенький весь, такой, как грибок – боровичок, да даже больше походил, на шляпку, этого гриба. Рот, какой, понять было нельзя.

Дежурившая, в это утро, медсестра Нина, не очень симпатичная девушка, с громким, и по – мужски, густым голосом, запихивала ему в рот кашу, и прямо рокотала: Ну, ешь, ешь же ты, наказание господне. Смена моя уже закончилась, а я всё валандаюсь с тобой тут. А дома, свои рты ждут. Он, не успевал проглатывать, давился, но молчал и только из его широко открытых глаз, сыпались градом слёзы. Кате самой до слёз стало жалко этого оловянного солдата, и она спросила разрешения у заведующей, взять шефство над Вовкой. Та с радостью, которую и не скрывала, разрешила опекать ей, их сына – полка. В знак одобрения, она даже Катю от дежурств освободила. Её с дочкой перевели в палату Вовки, дали кушетку для неё и крики в ночи прекратились.

По жизни человек с мягким, отзывчивым сердцем, она привязалась к этому малышу, как к своему ребёнку. Она окружила его заботой так же, как и свою доченьку. Рассказывала им сказки, посадив себе на колени, друг против друга. Кормила их по очереди, чтоб не сердились и не хныкали. Раз одному ложку, другой раз, другой. Они как галчата открывали роты и спешили, кто быстрее. Катя гуляла с ними по больничному двору, взяв их за ручонки. Целовала их миленькие мордашки, волосики, пальчики. Ночью она ставила свою кушетку между их кроватками и держала их за ручки. Если же, вдруг её рука во сне падала, Вовка моментально просыпался. Его рот кривился, готовый выдать громкие рулады. Но Катюша, тут же, брала его на руки, качала, и он сразу же, засыпал, уткнувшись ей в грудь и мягко и нежно, щекоча её своим дыханием. И она замирала от счастья, в такие минуты. Ей было несказанно хорошо с этим малышом, как и ему с такой новоиспечённой мамой. Об одном не думала молодая женщина, к чему приведёт их такая связь. А это было, чревато последствиями.

Муж, приезжая, проведать их с дочкой, матерился, по, чём зря, орал на неё, что она тут зажилась, как на курортах. А дом заброшен, огород не сажён, а на улице, не февраль, а май месяц. Ты, что забыла, что май кормит весь год? Что в мае потопаешь, то зимой полопаешь, – искажал, он половицу, и продолжал, костерить её, на все буквы алфавита. Тогда вспомнишь свои курорты, когда зимой жрать нечего будет. Положишь зубы на полку и будешь ими любоваться, да ещё и дети рядом будут голосить. А, я что, я найду себе, как перекантоваться. Да, и вообще, женат я, или не женат? – кричал он уже. Я тебе, что евнух, что ли? – продолжал он накручивать себя. Ну, лежи, лежи себе тут, курортничай, вот останешься одна с двумя детьми, тогда и узнаешь кузькину маму. Катя старалась объяснить ему ситуацию выздоровления их дочери, но он не хотел слушать. Кричал, чтобы она не придумывала причин остаться ещё в больнице и выписывала Ксюху, под расписку. Дома долечим, если что. Да что тут лечить, вон она уже, как купырик бегаёт и щёки красные, как помидорки. Что лечить – то? Что лечить? Ищешь причину, чтобы от дома отлынивать? Понравилось, поди, ничего, не делать – то? Курортов захотелось?

А, может уже нашла тут кого, знаю я вас сучек. Только от мужа на шаг отойдёте, как тут же и кидаетесь под куст, расставив ноги. Гляди у меня, если что, убью сразу. Лучше детей в детдом сдам, а тебя живой не оставлю. Она же, видя его в таком состоянии, только опускала глаза и молча, уходила к зданию больницы. Буду просить доктора, выписать нас, побыстрее, – кидала она ему уже на пороге, и закрывала дверь, чтобы не слышать, очередных оскорблений. Придя в палату, она забирала Вовку у медсестёр с поста. С собой его никогда не брала, боясь ещё большей злобы, со стороны супруга. Она сажала обоих малышей в одну кроватку и долго, долго глядела на них, думая о дальнейшей жизни и глотая слёзы, не заслуженной обиды и боясь ответа, на ещё не спрошенный вопрос.

Глава 6

Вовка сразу чувствовал её настроение. Он гладил её по волосам, щекам и чётко, и ясно говорил: Не плачь мама, не плачь. Вовка побьёт всех, кто обижает тебя. И вытирал ей слёзы малюсенькими пальчиками, и целовал её мокрые щёки. А, она, уже не сумев сдержаться, плакала открыто, почти навзрыд. Слёзы лились из её глаз ручьями, застилали глаза, солили губы, мочили блузку, вот только облегчения не приносили. Господи! Миленький! Что же наделала я, дурёха? Зачем впустила Вовку я в своё сердце больше, чем положено? Что же делать теперь? Как быть? Как теперь оставить его здесь, ведь это равносильно тому, что оставить своего, родного ребёнка? Я ведь теперь не смогу этого сделать.

Нужно говорить с Шуркой, может он и не будет, против. Может, я просто боюсь, вовсе без причины. Он поймёт, он же хороший. Просто устал очень один там, дома. Навалилось на него всё сразу, вот и ругается. Ну как, мужик один, уже целых два месяца, тут и не хочешь так закричишь. Не обстиран, не накормлен, как следует, не обласкан. Да всё образуется ещё, вот трусиха я, ещё и не спросила, а уже боюсь ответа.

Так уговаривала себя Катя, задумав дело, очень и очень важное и трудное. Она ведь и себе самой, ещё боялась признаться, как следует в том, что задумала. Надо действительно проситься на выписку, надо проситься. А Вовка, как же Вовка – то без меня, ведь он же мамой меня зовёт? Он же не отпускает меня никуда, ухватившись, точно тискающими за мою руку. А, я? Как же я без него? Ведь он для меня уже, что и мои девочки, родной стал. Как же я буду жить – то теперь? Как же его бросить теперь, как обмануть и его и себя? Что же наделала я неразумная? Нет, нет, надо говорить с Шуркой. Он добрый, он всё поймёт. Ведь это же мальчик, а он всё время хочет сына, вот и будет ему сыночек.

Он полюбит его, он полюбит, – шептала Катя, и уже с нетерпением ждала следующего приезда мужа. Мы его усыновим, и всё будет хорошо, и всем будет хорошо. Где двое, там и трое вырастут. Да, мы ведь ещё молодые, мы ведь ещё хоть куда. Она прямо воспрянула духом и всю следующую неделю, чувствовала себя именинницей. Когда муж приехал снова к ним с дочкой, она выложила ему всё, без обиняков.

Она волновалась, спешила, захлёбываясь от эмоций и страха, а он глядел на неё и ничего не говорил. Потом, покрутив пальцем у виска, он обозвал её психушечной, и строго выговаривая, просто приказал: Чтобы через неделю, ты была с дочкой дома. И хватит чудить, а то в дурдом сдам, прямо по пути отсюда. Ты же знаешь, когда едем сюда, есть такая остановка, называется Орловка. Вот, как раз для таких, как ты, там есть апартаменты. Ты подумай хорошенько. Посмотрев на неё так, что ей стало просто страшно, он вскочил в салон своих «Жигулей» и уехал, не простившись. Не приласкав даже дочку. Он будто с цепи сорвался, так зол был на жену.

Вот и поговорила, вот и открылась – думала Катя, и боль змеёй вползла в сердце, свернувшись клубком, залегла там и уже не отпускала, как ни старалась накормить её молодая мамочка. Она не подавала вида, что у неё проблемы, да и кому они были нужны, кроме неё. Выписать – то их выписали к выходным, как и хотел муж Катюши. Дочка их была полностью здоровенькая. Она звонко смеялась, бегая с Вовкой наперегонки, по больничному коридору. Кожа её порозовела, румянец играл на щёчках, как и раньше, до болезни. После таких пробежек, или прогулок во дворе, аппетит дети нагуливали отменный, и Катя радовалась за них,

и кормила их с удовольствием, и желанием. Всё у них было хорошо, и в пятницу, они могли ехать спокойно домой. Врач пожелала им счастливого детства; да чтобы в больницу больше не попадали, – сказала она и, потрепав, Ксюшу за щёчку, попрощавшись, вышла из палаты.

Глава 7

Катя благодарила доктора, а сама думала об одном. Вовка! Как же быть с Вовкой то? Что же? Как же? Перед самой выпиской, подошла к Елене Дмитриевне. Та, сразу поняла, что к чему. Ты не напирай на мужа очень, подготовь, обласкай, – сказала она Катюше. Пусть он отойдёт от одиночества, подкорми его, отогрей. В общем, приручи снова, а то же он одичал без тебя. Как поймёшь, что время, только тогда, начинай говорить. Если надумала точно, с оформлением помогу. Да и вообще, если что понадобится, и я смогу помочь, буду только рада. Ты только дай знать. Я ведь вижу, прикипела ты к Вовке, да и он никого больше не видит в образе мамки своей, кроме тебя. Хорошая ты, детей не обманешь. Они чувствуют, как собаки, шестым чувством.

А с Вовкой, я сама буду это время, (ведь ладили же мы с ним до тебя) пока будешь готова на усыновление. Я даю тебе слово, как мать матери. У меня, ведь тоже дети есть, хоть и имеют уже своих пострелят. Тебе, лет тридцать, или того меньше? А, я уже бабка, а моя старшая дочка, твоя ровесница. Так, что не волнуйся, с твоим Вовкой я найду язык, ты только не затягивай очень. Звони, как дело пойдёт у тебя. Удачи тебе девочка и храни тебя бог, на твоём жизненном пути. Ты хочешь сделать очень непростое, очень трудное и ответственное, но святое дело. Я за тобой тут наблюдала, все эти недели, ты мне нравишься. Терпения тебе и сил, а Вовка будет отличным человеком, я знаю точно. У него и дед с бабой, порядочные люди, и отец его замечательный человек. Про мать многого не знаю. Что – то случилось у них видно в жизни, что Вовка остался один. Но верь мне, этот мальчик, ещё принесёт тебе счастье. Вот увидишь.

А, мужика уговорить всегда можно, баба найдёт нужную струнку, за которую надо дёрнуть, а главное в своё, в нужное для этого время. А ты, вижу, очень хочешь этого. Ну, что же, удачи тебе, – проговорила она и троекратно поцеловала Катюшу, по русскому обычаю. На удачу, и счастье. Хорошей вам дороги, а то ведь время уже за полдень. Да пока доедете. Я хотела бы иметь такую дочь, как ты – сказала она и пошла по коридору видно в свой кабинет.

Хотя Вовка и спал, как и положено маленьким деткам в дневное время, Катя не зашла в палату. Просто не могла. Боялась. Ведь тогда она не сможет выйти оттуда, без него. Сердце её плакало, рыдало, но она собралась с силами и, забрав свои вещички, и взяв на руки дочку, пошла на выход. Муж уже ожидал её и дочурку, сидя в машине, у главного входа в здание больницы. Когда Катюша появилась в дверях со своей ношей, он не торопился помочь ей. Сидел и ехидно улыбался ей, в открытое окно.

Вот так будет всегда, если останешься одна, – процитировал он и нехотя помог, открыть ей дверцу. Ну, слава богу, вижу, ты успокоилась. А то, думал, захватить в аптеку, купить, успокоительных. Вдруг, опять блажить, начнёшь, да фортели, как в тот раз выкидывать! Прямо, насильно бы напоил тебя ими, – не сказал, а прямо прорычал он. Катя же, молча, сидела на заднем сиденье и была вся, в своих мыслях.

Дочка, тихонько посапывала у неё на коленях, мать смотрела на неё и любовалась. Щёчки её раздумянились от сна, трепетали длинные реснички. Она смешно причмокивала пухлыми губками, будто сосала соску. Катюша была несказанно рада тому, что с дочкой всё обошлось, что все проблемы позади и девочка их, совершенно здорова.

Что едет она домой, увидит старшенькую Маришку, по которой безумно соскучилась. Да и по родителям, и брату, и сестрёнке, не меньше. И вроде бы всё было хорошо, всё налажива-

лось. Но сердце заходило от боли, как там Вовка? Спит ещё, или уже проснулся и зовёт свою мамочку? А может, плачет, как он плакал раньше, по всем ночам? Ну не хотела она, чтобы так получилось, ну не специально же. Она даже не заметила, как Вовка стал для неё, родным. Таким же, как её крохи, которых она любила всем сердцем и за которых, готова была в огонь, и воду.

Глаза её были сухие, а вот сердце прямо рыдало в голос. Кровоточило, словно рваная рана без перевязки. Как? Что? А, может? Но она сдерживала себя и ещё что – то пыталась отвечать мужу, хотя видела в зеркало, как он несколько раз крутил у своего виска и давал понять ей, что это про неё. Видно отвечала она невпопад, а может, просто так понял, о ком она думает. Наконец, не выдержав, он прямо заорал, не смотря, что дочка всё ещё спала. Д – а – а – а – а, а ты и впрямь повредила голову – то там, в больнице. Я думал сначала, малость, а теперь сомневаюсь в этом, ты, гляжу я как следует, свихнулась – то.

Ну, да ничего, дома в раз, вылечишься, когда увидишь, сколько работы тебя ждёт там. Вся дурь, разом вылетит из твоей башки, а то ты там, от безделья, совсем охренела. Ну, да ничего, мы тебя мигом вылечим, будешь, как огурчик малосольный. Она не спорила с ним, да даже вообще ничего не говорила. Просто молчала и переживала всё в себе.

Глава 8

Два часа дороги пролетели, как миг, и протянулись страшно медленно. Дочка всё также спала, укаченная, движением машины и лёжа на материнских руках. Кто же откажется, в любом возрасте понежиться на самых мягких, самых добрых, самых ласковых на земле руках? Руках, родной мамочки, самого дорогого человека на земле. А тут ещё и возраст такой, что только и нежиться. А мать, глядя на дочку, радовалась, что девочка их совершенно здорова и ей больше ничего не угрожает. Слава богу, что всё образовалось, а то Вера Петровна, было совсем, добила её своей беспардонностью и невежеством, не сочетающимся, с занимаемой ею должностью. Хорошо, что Катя настояла тогда на своём и поехала в областную больницу, а то ещё, неизвестно, как бы всё, обернулось для них. Эта некомпетентность, как врача, и личное хамство Веры Петровны, как человека, могли бы просто погубить их доченьку.

А, теперь Катюша радовалась, что они выиграли это сражение. Доченьки мои любимые, скоро мы будем все вместе и заживём счастливой жизнью. Вот только бы ещё получилось с Вовкой и тогда бы, не было счастливей женщины на свете, чем Екатерина Романовна Пухова. Сейчас доберёмся до дома, сразу же заберу у родителей старшую дочку. Завтра выходной, всех накупаю, постируху устрою, прибраться надо в доме, а то, небось, помойка, а не дом. Да, что говорить, мужик один дома был два долгих месяца, что уж тут спрашивать. Да и постряпне соскучилась уже, ведь готовить она умела и любила, а тут вышел непредвиденный отпуск, от всех домашних дел.

Она уже представляла, как наварит и напарит всего, для своих любимых и дорогих. Напечёт пирогов, да ватрушек. А, какое жаркое, она умеет готовить, прямо пальчики оближет любой, кто попробует его. Девчонки, её подружки не раз попробовав её фирменное блюдо, говорили ей, что оно достойно всяких похвал. И частенько заглядывали на её огонёк, чтобы и угоститься, и скоротать время и ей не так было одиноко, пока муж со своими дружками намазывали круги, на машине. Да не проходили, ни мимо одного пивного ларька. Ну, а её борщ, мог бы стать любимым блюдом, любого гурмана. Хотя, если говорить, о её всех особенных блюдах, то в первую очередь, нужно упомянуть блинчики, что прямо тают во рту, поедающего их.

Ну, а если всё перечислять, то не хватит и времени, чтобы всё упомянуть. Тут и пироги с пирожками, со всевозможными начинками, и курники разные, и подливы, и соусы, и отбивные. И котлеты, биточки, крокеты. Благо, огород да своё подсобное хозяйство, позволяют всю эту роскошь иметь на столе, хоть и приходится нелегко заниматься им после основной работы. А, сколько сил и времени занимает огород, да ещё же и добраться до него нужно, он в нескольких десятках километров от их жилья? Благо теперь у них есть машина. Да и всё это стоит того, и поэтому она тянет этот воз ради того, чтобы её девочки ни в чём не нуждались. А сколько всяких салатов она умеет приготовить? Сладких блюд и всякой, всякой всячины.

Ей бы в ресторане работать, со слов тех, кто хоть раз пробовал еёстряпню, но она была скромным инженером – технологом, по изготовлению тканей. И этим гордилась, и любила свою работу. И ценила её. А, люди, что работали под её началом, уважали её, да и начальство не забывало, когда нужно было о ком – то статью ли в газету, или премию в конце месяца выписать. Все знали кому, и о ком. Но всё это было заслуженно и заработано великим потом. Да и просто, много людей в их небольшом городишке, с преобладанием частного сектора в старой части города, уважали, эту приятную во всех отношениях женщину.

Частный дом был и у Пуховых, его построил отец Катюши. Конечно же, если быть честным до мелочей, Александр помогал ему немножко, а вот гордился этим, будто сам построил, один. И всё у них было неплохо. Вот только супруг её, богоданный, всё сердится на неё, да называет, без царя в голове. Всё хочешь всех накормить, да всем угодить? Всех обогреть, да уберечь? Нет, не тем ты занята жёнушка. Нужно жить только для своей семьи, сколько тебе, талдычить – то ещё? – неоднократно выговаривал он Катюше. Вроде, как и не дура ты, и детей вон я тебе настрогал двоих уже, и пора – пора бы за ум взяться, ан, нет же. Всё юродствуешь, всё блаженную из себя корчишь.

А, может и не просто так это? Может этим то, ты и берёшь всех тихоня, – изгалялся словесно, он над женой. Всё никак ты не угомонишься, милая моя, словно ты ещё необъезженная кобылка, так ведь давно это уже случилось. А, может тебе не хватает узды покрепче, да кнута по длинше? Не пойму я ещё точно, ну да за этим дело не станет, если причина в этом. Это мы разом сварганим, – скалился он, распивая пиво со своим закадычным, дружкой Генкой. Отвратным, и последним в их местности, негодяем и дебоширом. В общем, где пьянка, там Генка, где драка, да дебош, там тоже обязательно он присутствует. И, иногда казалось, что он двойтся, или троится, так много его было, везде и всюду он попевал. А, ведь не нами придумано, с кем поведёшься, от того и наберёшься.

Глава 9

Скоро только сказка сказывается, но вот и их поездка, наконец – то закончилась. Не заезжая домой, заехали за старшенькой. Ох, и обрадовалась же мамке та, кинулась на руки, хоть и не кроха уже. Шестой идёт. Александр и в этом нашёл изъян. Вот, что значит девки, по матери соскучилась, а об отце и думать забыла. Катя переглянулась с родителями, но ничего не сказала, только попеняла мужу: А, папка – то, проведаль хоть раз дочку? Нет, – ответила она за него. Вот она и обиделась, правда же доченька? – прижимая Марину к своей груди, улыбалась она мужу. Ну, ладно, ладно миритесь, да и домой. Родителям пообещала заскочить на днях, да те и сами понимали всё, и не нагружали дочку ненужными проблемами. Живы девчонки их, да ещё и здоровы, и вся семья в сборе, так чего ещё желать. Слава богу! А, увидеться, ещё успеется, не на другой же планете живём. Всё образуется. Но гостинцев успели всё же подкинуть, в виде плюшек, ватрушек и всякого такого. Устроившись с детьми в машине, Катюша светилась от счастья. Наконец – то они все дома и всё у них хорошо.

Не всё, конечно же, но в принципе. Она подумала опять о Вовке, и набежавшая слеза, застелила ей глаза, но она, справившись со своими эмоциями, улыбнулась и стала тормошить своих девчонок, притихших у неё на коленях. Сейчас я вас накормлю, напою, накупаю, да и спать уложу. А, ублажу, пропустила, – лыбился муж. Да и ублажу, ублажу, – говорила Катюша, а сама продолжала думать об одном. Мамка, это конфет дашь, да? – уточняла старшенькая. Да, да. И конфет, и пирожных. Сейчас у нас всё будет хорошо, – говорила Катюша и прижимала девочек к себе, словно курица наседка, подгребая под себя цыплят.

Дома бегала, как заводная: пока готовится ужин, она моет посуду, что скопилась прямо горой на кухне. Конечно же, муж брал новые тарелки, чтобы не мыть за собой. Затем намыла до блеска полы, прибрала в доме. Колонку включила, греет воду, чтобы всех намыть, да и сама уже не могла больше терпеть. Два месяца, по настоящему, не мылась, как хотелось, кожа уже, как у того ёжика из мультфильма, чешется и зудит. Волосы потускнели.

Сейчас, сейчас у нас всё будет хорошо, мои любимые, – повторяла она, пока девчонки возились со своими куклами. Соскучились девчонки и по куклам своим, и друг по другу. Они говорили безумолку и прижимались друг к другу, выказывая этим, что рады быть вместе. Муж общался с соседом Виктором Андреевичем, пожилым пенсионером, всегда выручавшим его, в любой ситуации, кроме дел связанных с выпивкой.

Тут сосед прямо стервенел, сам не пил, и не любил выпивох органически. Сколько раз стыдил он Александра, за его непотребное поведение, в пьяном угаре. Да и Генке, дружку его доставалось от Андреевича по первое число.

Хотя, говорят: Дураков и пьяниц, как и горбатого, только могила исправит. Но он всё же при каждом удобном случае, пытался образумить этих буянов, пока они ещё на земле были. Уж больно жалко ему было жён, этих бессовестных дебоширов. Каждый, сам кузнец своего счастья, а вот живущие рядом с ними, за что же страдают? Но этих дуралеев, ничем нельзя было пронять, ни кнутом, ни пряником. Вот и теперь, сосед выговаривал Александру, что не бережёт он свою Катерину, а она ведь золотой человек у него. Береги её, береги её Шурка, другой такой нет. Плохо, если ты это поймёшь, когда уже будет поздно. Поэтому, послушай меня сейчас, прошу тебя просто, как мужик мужика.

Но Александр, на эти его слова только хмыкал и уверял пожилого соседа, что опасения его напрасны и Катька его, от него никуда, и ни за что не денется. Ну, кому же она нужна, с таким хвостом, какой у неё? Две девки, это хвост, я тебе скажу и не маленький. Да, это не хвост даже, это хвостище. Разве ты не согласен? – допытывался Александр и, похохатывая, и сплёвывая, сквозь зубы, он вертелся в разные стороны, будто рисуясь, и похваляясь своей внешностью. Мол, разве от таких, как я, уходят? Нет, это не наш случай. Но, Андреевич не собирался, долго с ним разглагольствовать на эту тему, и любоваться им, поэтому нашёл предлог, закончить этот никчёмный на его взгляд разговор, побыстрее.

Глава 10

Когда супруг вернулся в дом, у Кати уже всё блестело и сверкало чистотой внутри. Во дворе тоже, вся птица была накормлена и отправлена на ночёвку. У кроликов было вычищено в клетках и заложен корм, и питьё. Оставалось вывезти навоз, ну да это уже забота мужа, хотя чего таить, нередко это тоже делала она. Александр не очень любил заниматься хозяйством, а если честно, то вряд ли кто мог назвать его любимое занятие, кроме, как гонять на машине, да сидеть с друзьями, в укромном уголке, где ни – будь со стаканом. Или же смотреть футбол и до одури, до хрипоты орать при каждом забитом голе. В то время, когда Катя с детьми была в больнице, хозяйством занимался её младший брат. Но, как бы – то ни было, раз есть семья, кто – то должен нести за неё ответственность и эту миссию несла Катерина. Так уж получилось в этой семье.

Когда отец и муж переступил порог своего жилья, на столе уже дымился ужин, источая невыносимые, после такого длительного поста запахи. Детишки, вымытые до скрипа и похожие на краснобокие яблоки ранетки, довольно улыбались и с весёлым задором смотрели, на стоящие перед ними блюда. А, смотреть было на что. Жареная картошка со шкварками, аппетитно румянилась на сковородке. Солёные огурчики – корнишоны, мясистые красные и жёлтые помидоры, в собственном соку, тогда они назывались (болгарские), сверкали яркими бочками. Болгарский же, сладкий перец, консервированный особым способом, капуста солёная со столовой свёклой, служили гарниром.

Девчонки пожелали омлет с сыром. На плите закипал, пыхтя и посвистывая чайник. К чаю, бабушка напекла ватрушек и плюшек, печенья и кренделей. Всё это богатство на столе, не исключая и сыр, было заготовлено и сохранено, той же Катюшей, успевающей везде и всюду. Александр залюбовался своей половиной, сидевшей тут же у стола. Румяная, с улыбающимися от счастья глазами, с ямочками на щеках и с растрепанными от работы волосами, она была очень симпатична.

Что она устала до изнеможения, никто бы не понял, разве только мама её. Милая, добрая и все понимающая. Но её рядом не было, а кто был, не поняли. Дети, потому что малы, а муж, любил только своё величество. Вымыв руки, он уселся за стол и отдал должное стряпне. Вижу, с тобой всё в порядке, отрыгнув, сказал он. Да я же говорил, работа в раз тебя вылечит, – продолжал он, беря в руки чашку с чаем. Катюша очень устала, чтобы начинать серьёзный разговор, а говорить что – то банальное, просто не хотелось, и она лишь улыбнулась на слова супруга и пошла в комнату с детьми. Включив девочкам мультики, она вернулась на кухню и напомнила мужу, чтобы он шёл мыться.

Жизнь налаживалась, входила в своё, обычное русло, как вот уже несколько последних лет, что были, они женаты. Только теперь что – то терзало её душу, чего – то не хватало в этом обыденном ритме. И только она знала это, только она была в курсе этой причины. Вовка был причиной всего. Он был, где – то там далеко и кто знает, как он там теперь жил без своей мамочки. Но, вот уложены дети, муж, распаренный и довольный, ушёл в спальню. Она тихонько гремела посудой, перемывая тарелки и чашки и снова думки о Вовке.

А, как хорошо бы было, если бы Санька согласился усыновить малыша, – крутилось у неё в мозгу, и невольная слеза скатилась из её глаз. Но она сдержалась и не расплакалась, следуя совету Елены Дмитриевны. Надо выждать, надо набраться терпения и подготовить мужа.

А вот и он, лёгок на помин. Ну, долго ты ещё тут будешь возиться? – проворчал он, и, попив воды, вышел покурить на крыльцо. Катюша, оглядев с любовью свою резиденцию, очень любила чистоту на кухне, не спеша пошла теперь, и сама принять душ. Она испытывала ни с чем несравнимое удовольствие, стоя под упругими струями горячей воды и наслаждалась этим процессом. Тело, как будто рождалось заново, дышало, отдыхало от всех земных забот. Волосы искрились, струились, окутывая её своей волной. Они пахли яблоками, мятой, чабрецом и лавандой. Этот настой научила её делать её мама, имевшая и сама, роскошную и по девичьи, густую косу.

В ванную заглянул супруг. Он жадно облизнулся, как голодный зверь и кадык его заходил, как у пьяницы, увидавшего стакан с водкой. Катя сказала, что сейчас будет и он нехотя, прикрыл дверь, и пошёл в спальню.

В эту ночь, он просто затерзал её. Его желанию не было предела. Он хотел ещё, и ещё, и снова. Хотя и раньше, он не баловал её каким – то изысканным сексом, сегодня он казался ей грубым, даже каким – то чужим, что ли. Она лежала усталая и опустошённая. Просто на верное наголодался без женщины, – подумала она, да и я отвыкла от него, вот и все придумки, успокаивала она себя. Конечно же, раньше всё было нежнее, внимательнее. Он ласкал её, говорил нежные слова. А теперь, больше походил на самца животного, нетерпимого и грубого. Да нет, видно правда одичал чуток, как сказала Елена Дмитриевна, вот и вся причина. Обедать – то оно и в столовую можно сходить, и к маме своей, а жену на каждый день не найдёшь. Если бы кто у него появился, уже сороки бы на хвосте принесли. Хватит тут таких кумушек сердобольных.

Да нет, нет. Просто мужик, есть мужик и он весь в этом. В напоре, в страсти, в нетерпении и грубости. Всё образуется, – думала она. Не заметив даже, она как будто провалилась в глубокий, глубокий сон.

Глава 11

Сколько она так проспала, она не знала, только вскочила от того, что где – то за стеной кричал Вовка. Совсем рядом, в соседней комнате, как ей показалось. Он звал её – мамочка, мама. Она даже сбегала туда, но увидев тихо спящих дочурок, поняла, что это только сон. Господи! Да что же это со мной? Да, неужели, я и впрямь схожу с ума? – думала она, и мысли побежали дружной стайкой опять о Вовке. Милый, славный мой воробышек, как ты там? Всё ли у тебя хорошо, всё ли ладно? Я уже соскучилась по тебе, мой славный сыночек. Слово сыночек приятно ласкало слух и не казалось, каким – то новым. Оно было привычным, родным и тёплым. Видно она уже привыкла к нему, за время, что общалась с малышом в больнице.

Ей больше не спалось. Она ворочалась с бока на бок, но спасительный сон не приходил к ней. Шурка спросонья заворчал: Что, никак не поймёшь, что дома? Ну, иди, иди ко мне скорее. И он обнял её и стал жадно целовать. А, когда он так целовал её, она знала, чем это закончится. Закончив своё дело, он пошутил: Да мы с тобой ещё сами можем настрогать пацанов, а ты о каком – то приёмыше галдишь. Блажь это всё от безделья, а ты привыкла вкалывать. Ну, да это скоро пройдёт, вот увидишь. Ну ладно спи, проговорил он и тут же всхрапнул.

А она больше не могла уснуть, как ни старалась. Было четыре часа утра, за окном начало светать. Это ведь месяц май, а не февраль, или даже март, когда утро, словно невестка в доме свекрови, стесняется рано заявлять о себе. Она полежала ещё чуть – чуть. Свет за окном становился всё настойчивее. Звёзды, заглядывающие всю ночь в окно, померкли, и край неба, начинал стыдливо розоветь, будто щёки девственницы, уличённой в какой – то непристойной затее.

Закричали голосистые петухи, замычали коровы (в частном секторе ещё имелось с десяток бурёнок), а это означало, что времени пять часов утра, можно даже на часы не смотреть. Петух, «Прохор» в их курятнике прокричал ровно пять раз. И откуда, они только знают, сколько точно времени, эти петухи?

Ну, что же, раз уж не спится, то надо вставать, – решила Катюша и скорой ногой выпорхнула из – под одеяла. Если сажать картошку, нужно звать кого – то на помощь. А, если звать на помощь, значит надо готовить обед на большее количество едоков, чем у них семья. Брат обещал помочь, да и подруги не откажут, а там Танюшка, сестрёнка младшая Катина, да родители её, вот и уже десять человек.

Шурка не любил работать на земле, ему всё больше подавай технику, а тут надо лопатой копать, значит, без помощи не обойтись. Ведь земли то немало, под картошку они пускают соток пять, а то и с лихвой. Ну, а остальное под овощи для себя, да свёклу с тыквой, для птицы и кроликов. В общей сложности так и выходит десять соток, как ни крути. И, как бы ни любил человек заниматься землёй, всё равно не хватит здоровья перелопатить столько земли.

А вот, если вчетвером, к примеру, тут совсем другое дело. Шурка, брат Василий, отец Катюши и подруга её, Ленка. Она всегда, наравне с мужчинами наяривает лопатой только так, а иногда и не любой мужик угонится за ней. Силищи у неё немерено, ей бы мужчиной родиться, хоть лопатой, хоть топором, она работала на раз – два. И ведь получалось у неё всё это, прямо на загляденье. Ну, будто вышивала узор какой. Мудрёный только, не всякому под силу, понять и повторить. Но она, только с виду богатырша, а в душе чисто воск. Только чуть – чуть приго-

любя её, она уже и растаяла. И слёзы у неё были близко, близко. Ранить её было, что ребёнка малого обидеть. И великой доброты была женщина. Лишь бы кто только намекнул, она готова была и душу отдать, только бы это помогло тому, кто нуждался.

Не перевелись ещё люди на Руси матушке, этим видно и стоит наша Русь, этим и живёт голубушка. Ведь и в писании сказано: Пока женщина будет замечать боль других, свет на земле не померкнет. Если же она очерстует настолько, что просящему милостыню, вместо куска хлеба, камень подаст, да стыд свой потеряет совершенно, тьма опустится на землю. Значит, пока такие люди, как Ленка живут на земле, конца света не должно быть.

Двое других, подружек Катюши, также прекрасны и добры, также благородны, но с виду прямо дюймовочки, особенно рядом с Ленкой. Но, все эти четверо были, не разлей вода, во всём. Эта дружба была проверена годами, поступками. Они дополняли друг друга и были одним целым. Катя радовалась этой дружбе, гордилась ею. Она знала, что тыл у неё крепок и надёжен на все сто.

Так, перебирая в мыслях все нюансы, она споро работала руками. Мыла, чистила, крошила, солила, перчила. А мысли опять были о жизни, о работе предстоящей, о Вовке, об огороде. Рассадку придётся брать у родителей, своей – то нет, не вырастила. Эх, если бы не эта беда с дочкой, разве бы она позволила себе прохладиться. Да, она бы ещё и всей родне насеяла, всяких там перцев, помидор, капусты, да ещё и всяких сортов. А то, попрошайничай теперь, хоть и у родителей, а всё же стыдно как – то. И причина уважительная, но на душе, всё равно муторно.

Да и вообще, весна в этом году у них насмарку. Ведь если бы она была дома, разве бы получился такой казус. Всё бы было уже посажено в огороде и никаких проблем бы не было. Ну, да ничего, справимся и на этот раз, – думала она, да была уверена просто. Ведь нужно время, а его прошло ещё совсем ничего. Только вчера, дом обрёл по новой, свою хозяйку, так что уж тут. Всё образуется, всё наладится, в этом Катя не сомневалась. Время ещё не упущено для посадки, только бы погода не подкинула сюрпризик, навряд ли заморозков, числа эдак двадцатого, тридцатого.

А то, ведь бывали такие года, что среди лета даже, всё посаженное, да что посаженное, картошка на цветку, становилось чёрным, будто после пожара. Ещё вчера, зелёные и весёлые овощи, после мороза стояли, страшными вдовами, потерявшими своего родного человека, и уже ничто не могло спасти их от этого. Как странно, и огонь, и холод действовали одинаково, убивали беспощадно и жестоко, оставляя после себя только гибель, только опустошение. Только страшные, чёрные отметины, будто договорившись между собой. Не дай господи такого. Она даже перекрестилась, хотя и не была глубоко верующей. Просто так, по инерции, наверное. Да, нет, порой ей хотелось очень поверить, что где – то есть какая – то сила, невидимая и неведомая нам, что управляет нашими судьбами.

Глава 12

Когда Александр с девочками проснулись, у Кати всё уже было готово. И обед, для посадки огорода, и завтрак для семьи, дымился на столе. Отвыкнув, от вкусного запаха в доме, муж быстренько выбрался, из – под одеяла и примчался на запах. Боясь, что это только его воображение, он довольно заулыбался, увидев свою Катеринку, хлопотавшую у стола. Нет, это был не сон и не обман обоняния, на столе действительно исходил ароматом суп с крольчатинной, пампушки с чесночком, как он любил. Чайник тихонько заводил свою песенку. Санька довольный, чмокнул жену в щёку, и, почёсывая спину, скрылся в ванной. Оттуда слышно было, как с аппетитом он умывается и напевает, какой – то бравурный мотивчик.

Девчонки примчались на кухню, и, шлёпая босыми ножками по чистым полам, кинулись к мамке в подол. Она подхватила их на руки и закружила счастливая и радостная. Да я сильная, я и троих удержу, – подумала она опять о Вовке и морщинка, набежала на лоб. Но она справилась с собой, и когда муж вышел из ванны, он увидел трёх, счастливых женщин, жену и дочек. Они хохотали, дурачились и радовались жизни.

Санька прямо залюбовался женой. Раскрасневшаяся, со светящимися радостью глазами, она была хороша собой. И он в душе даже погордился, что это его жена. Но виду не подал, ещё нос задерёт кверху, – решил он и прикрикнул на малышню, чтобы бежали умываться. Те, словно горох ссыпались с мамкиных рук и наперегонки, побежали наводить утренний туалет. Катюша причёсывала их распушившиеся волосики и целовала их мокрые мордашки. Но вот, наконец – то все в сборе и готовы к приёму пищи.

Все расселись по своим местам, давно заведённый порядок, снова начинал действовать. У каждого члена семьи, своё место, раз и навсегда. Семья привыкала к подзабытым правилам, но это же, так здорово, быть снова всем вместе. Супруг вообще, был в самом радужном настроении. Он с удовольствием уплетал всю вкуснятину, что стояла на столе. Куда столько всего? – спрашивал он, с набитым ртом. У нас что, праздник какой – то? – продолжал он, а сам всё жевал, жевал, и казалось, что сегодня он не насытится.

Ах, да. И в правду праздник, продолжал он. Ведь мы целых два месяца не сидели вот так за столом, не считая вчерашнего ужина. Да, всё же хорошо, что вы вернулись домой, теперь я буду опять сыт, а то уже надоело быть подзаборным псом. А, ты у меня Катюха молодчина. Не успела появиться дома, как опять всё стало на свои места. Везде чистота, порядок. Запахи обалденные на кухне опять же, а то я уж отвык порядком от твоей стряпни. Ну, да ничего, всё наладится, ты там наскучалась по работе, так вижу, даже не спишься тебе. Вон ни свет, ни заря, а у тебя уже всё кипит. И в доме порядок, и хозяйство гляжу управлено. Ты молодчина у меня. Так и продолжай в том же духе. А я в обед, на футбол, наверное, с Генкой смотаюсь, а вечером на рыбалку. Надо же на радостях, оттянуться, как следует, а то уж забыл, как отдыхают люди. Всё работа, да дом. Умаялся я, за то время, пока ты там курортничала, – проговорил супруг, допивая чай.

Но этому не суждено было сбыться, Катя сказала про огород. Настроение у мужа сразу же испортилось, и он надулся и стал смурным. Ох, и умеешь же ты, в душу человеку плюнуть, – пробурчал он недовольно, и ушёл во двор, не сказав больше ни слова. Катя загрустила. Доедая завтрак, из – за всяких мелочей ей так и не удалось, как следует поесть вместе со всеми, она думала о том, что жизнь её не изменилась. Если первые почти два года, ещё можно было назвать

счастливыми, то последующие были из ряда вон никакими. Она родила двоих деток, хотя Ксюшу родила в надежде, что будет сын, как хотел Санька. Но судьба распорядилась по своему, и в этом нет ничьей вины, если только немножко, видно её кровь была сильнее крови супруга и поэтому у них появлялись исключительно девочки. Но, зато какие прехорошенькие и умницы!

А муж винил её во всём, что не нравилось ему, и упрекал её во всех жизненных проблемах. С годами стал просто неуправляем и семье своей нисколько не радовался. На уме у него были одни развлечения и походы с друзьями по всякого рода забегаловкам, на вроде местных кафе и пивнушек. А что сидеть дома с одними бабами, – говорил он в сердцах и мчался из дома к своему, так называемому другу Генке и иже с ним. С Катей он стал груб, нисколько не считался с её мнением и всё искал предлог, чтобы обидеть. Причём, незаслуженно и это было обиднее в несколько раз.

Вот и теперь, ну что он сердится, ведь сам же говорил про огород, когда приезжал проведать их с дочкой, а теперь прямо взбеленился аж, когда она сказала ему про посадку огорода. Как бы он ни сердился, а посадить нужно и именно сегодня. Картошка уже проросла, обед готов для помощников, да и сами помощники ведь уже настроились. У каждого дел своих невпроворот, а люди вызвались выручить их, как только она позвонила им, так неужели же, из – за капризов взрослого мужика, придётся всё переигрывать.

Нет, нет и нет. Тут нужно благодарить, а не выкобениваться, решила Катюша, и, перемыв посуду, вышла во двор. Муж нервно курил и не смотрел на неё, будто она была виновата в чём – то. Катя ласково положила ему на плечо свою руку, и, заглядывая в глаза, стала уговаривать его. Ну, потерпит твой футбол, ни куда не денется, а как посадим картошку, сразу же можешь мчаться на рыбалку, я нисколько не против. Да я бы и сама, с великим удовольствием порыбачила бы с вами, если бы кто меня пригласил, шутливо заигрывала она с мужем.

Глава 13

Но, он только отворачивался и не говорил, ни да, ни нет, на её предложение. Потом, сразу как – то помягчал и стал носить в машину мешки с семенной картошкой. Он отвёз и картошку, и помощников, и, приехав за ней и детьми, вдруг как будто застыдил своей выходки, и обнял Катюшу, и потёрся носом об её плечо. Она не сердилась на него, ведь не первый год жили вместе, но ей, всё же было очень приятно, что муж понял её правоту.

Сидя в машине, она всё старалась развеселить супруга и говорила с детьми, но это касалось как бы и его. Вот посадим картошку, в следующие выходные поедem по гостям. К бабушкам, дедушкам, тётям и дядям. Заждались, небось, они нас, правда, же малышня? Ну кА, сколько они нас не видели, прямо не узнают, наверное. Вон как вы подросли. То, что свекровь и свёкор даже не позвонили, по их приезду, да что там, они ни разу не позвонили за все два месяца, что она находилась с детьми в больницах, она опустила. Хотя Катя сама приложила столько усилий, чтобы у родителей мужа был телефон. Она переступила не один порог в администрации, пока добилась этого. Ну да, бог с ними. Огромное спасибо им уже за то, что кормили сына своего, хоть иногда. А то, кто знает, что с ним бы было. Он ведь гордый, к теще ни ногой, даже если бы умирал с голоду, и то, наверное, не пошёл бы. Ну, такой уж у него характер, что тут поделаешь.

Картошку сажали дружно, весело, с шутками, с анекдотами. Подруги соскучились по Катюше. Взахлёб рассказывали: о жизни, о работе, о новостях. О том, что ходили в кино, шёл месяц индийского фильма, так они смотрели старый фильм с участием их любимого актёра, Раджа Капура, «Цветок в пыли». Что, вволю наревелись, как дуры. Что на работе её все с нетерпением ждут, и каждый желает им здоровья и всех благ жизни. Спрашивали, как они там выдержали, все эти два месяца пыток и жизненных перипетий. Извинялись, что не смогли приехать навестить их там, сама знаешь, выходной пролетает, как птичка, а весна требует суток, хотя бы часов этак по пятьдесят. А так, не хватает критически времени, чтобы везде успеть. А работа, словно с неба валится и откуда только её столько берётся. Недаром же говорят, человек умирает, а дела остаются. Чтобы всё переделать и жизни не хватает, что уж там каких – то два месяца.

Катя нисколько не обижалась на подруг, сама варилась в этом же котле и прекрасно знала, что такое страда. Весной ли, летом, или же осенью, дел становилось особенно много. Одно радовало, придёт завируха – зима и тогда уж можно передохнуть немного. Нет тебе ни посадки, ни сена, ни уборки, ни поливки с прополкой. Гоняй чай, да сплетничай вволю. Родители её, слушая разговор подруг, радовались за свою дочку, что есть у неё такие подруги. Муж, лоя одним ухом, бабские трёпы, скрипел зубами. Ну, теперь начнутся посиделки, будут ходить жрать, да трепаться. Он не любил подруг своей жены и всегда это не скрывал от них. То, что они приходили в любую минуту на помощь, это его нисколько не смущало. А Катя уже рассказывала подругам о жизни в больнице, о том какие там курорты, если некоторые думают иначе, пусть попробуют сами понежиться на таких курортах. Подруги охали, ахали, возмущались, но и в то же время, как бы соглашались. А что поделаешь, будешь выполнять любую прихоть, лишь бы ребёнку помогли.

Катюша же продолжала рассказ дальше и, предположив, что супруг принародно не станет показывать свой нор, вдруг заговорила о своём заболевшем. Да, вот хотела помощника себе в дом взять, а Шурка, ни в какую. Не хочет чужих деток воспитывать, а по мне, так всё

едино. Лишь бы на земле одной бедой меньше стало, лишь бы ещё одно сердечко отогрелось от доброты людской. Ну, тут и понеслось. Что, да кто, да как? Катя рассказывала про историю с Вовкой, а сама уже видела, как наливается страшной злобой лицо мужа. Боковым зрением, она также видела, как расстроились её родные. Не время. Нет не время, ты выбрала доченька, для такого разговора, – говорили лица, особенно родителей. Но, что делать, слово не воробей, вылетело, не поймашь.

Но, как бы то ни было, картошка была посажена, чтобы росла крупная, да ровная, решили посидеть маленько. У кого было желание, остограмиться, кто не баловался стаканом, просто покушать. Еды наготовлено было достаточно и не резон её было везти обратно домой. Да и если честно, аппетит все нагуляли отменный, что взрослые, что дети. Быстренько накрыли поляну, расселись вокруг и отдали должное и еде, и хозяйке, что старалась на совесть. Все веселились, шумели, хохмили и только Санька, сидел, молча, и ни на кого не глядел. И есть, он почти не ел, ковырял носком ботинка землю и думал о чём – то своём.

Когда все насытились, шутки и анекдоты закончились, все засобирались домой. Завтра ещё увидимся, рассаду – то приходит помогать посадить, или же сама справишься? – спрашивали подруги, а сами смотрели на Александра. Приходить, приходите, – тараторила Катюша, собирая посуду и будто не замечая, настроения мужа. Сама – то когда теперь управлюсь, без вашей помощи не обойтись. Раз уж весна в этом году кувырком для меня, то, конечно же, помогите девчонки милые. Ведь завтра один денёчек остался, а там ведь труба позовёт, работа. И так я за два месяца упустила, сколько всего, нужно навёрстывать, впрягаться в работу по полной. А, уж разделавшись со своими домашними делами, спокойнее и на работе буду. Всё лишний раз не спущу Полкана на своих подчинённых, – шутливо говорила она.

И она улыбнулась, глядя мужу прямо в глаза, но он отвернулся намеренно и больше уже не смотрел в её сторону. Первым рейсом он отвёз подруг жены, Галю и Нину и её родителей. Ленка усадила к себе на колени миниатюрную Галинку, будто она была малым дитём. Ну, а что делать, по другому не получалось, пришлось бы делать ещё один рейс, а все видели, что хозяину это не улыбалось. Да и вообще, все притихли и старались лишний раз не затрагивать человека в таком настроении. Ну, что делать, если он такой? Не умеет он радоваться чужому счастью, ему бы научиться своё везение уважать, да где уж тут, если такая натура. Ведь кто знает, как бы он жил, если бы у него жена была не Катюша. Может на крылечке бы ночевал, ан нет, же, не понимал человек своей выгоды. Лез в бутылку по поводу и бес, и это, со своим то характером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.